

- [26] Kokudo ko:tsu:sho: tochi bunrui cho:sa 1998. URL: <http://nrb-www.mlit.go.jp/kok-jo/inspect/inspect.html> (data obrashcheniya 20.02.2017).
- [27] Nihon no shokusei. A. Miyawaki. 9. Hokkaido. Shibundo, Tokyo, 1988.

Изв. РГО. 2018. Т. 150, вып. 3

ХОРОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ГЕОГРАФИИ (первая треть XX столетия)

© **Н. Г. СУХОВА**

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН
E-mail: ngsukhova@mail.ru

Хорологическая концепция, предложенная немецким ученым А. Геттнером (1859—1941) в 1905 г., оказывала большое влияние на взгляды русских географов в течение первых трех десятилетий XX в. При очень большой популярности идей Геттнера в России их восприятие никогда не было однозначным. Это было следствием как сложности определения теоретических основ географии, так и противоречивости самой хорологической концепции. Вплоть до конца 1920-х гг. концепция Геттнера стимулировала постановку и обсуждение теоретических вопросов географии. Ситуация резко изменилась в начале 1930-х гг., когда критика этой концепции приняла сугубо идеологический характер и стала преградой для развития теоретических воззрений в российской географии.

Ключевые слова: хорологическая концепция, российские географы, ландшафтоведение, методология географии, классификация наук.

Введение. В 1905 г. в немецком журнале «*Geographische Zeitschrift*» была опубликована статья профессора географии Гейдельбергского университета Альфреда Геттнера «*Das Wesen und die Methoden der Geographie*» («Сущность и методы географии»). Свои представления о сущности географии в той или иной форме Геттнер излагал и прежде. Но именно в этой работе он сформулировал основы хорологической концепции.¹ Концепция определяла место географии в классификации наук, отделяя ее от наук систематических и исторических. Геттнер считал, что в основе географии лежит пространственный принцип. Это позволило ему определить страну как основной предмет географии, «избавить» ее от «лишних наук», составлявших общее землеведение, и утверждать идею взаимодействия явлений в любой части земной поверхности. Части земной поверхности, которые должна изучать география, Геттнер

¹ Термин «хорография» появился еще во времена античности. Б. Варений упомянул это термин в своей «Географии генеральной» (1650). В XIX в. термин изредка можно встретить и в русской географической литературе. Идею хорологической теории в 1883 г. предложил немецкий географ Ф. Рихтгофен. В очерке, посвященном памяти Ф. Рихтгофена, геолог К. И. Богданович определил сущность хорологического взгляда на географию. По его словам, «хорология, то есть понимание страны, имеет своей задачей представить естественные явления на определенном пространстве в их причинной и генетической связи» [¹¹, с. 256].

называл как странами, так и ландшафтами.¹ К идеям, сходным с взглядами Геттнера, к мысли о странах как основном предмете исследований географы приходили и до Геттнера, однако российские географы считали, что прежде такие взгляды «не получали вполне отчетливых очертаний и столь полного логического обоснования» [16, с. 91].

Хорологическая концепция оказывала большое влияние на теоретические взгляды географов в течение первых десятилетий XX в., но особое впечатление идеи Геттнера произвели на географов России. Уже в 1899 г. на русском языке был опубликован перевод статьи Геттнера «Очерк развития географических учений в XIX столетии» [20]. Русские переводы его книги «Европейская Россия» трижды выходили в свет,² и сообщения об издании этих переводов обычно публиковались в популярном тогда журнале «Землеведение». Работы Геттнера переводились на русский язык и в 1920-х гг.³ В первой трети столетия практически все русские географы, рассуждая о сущности географии, излагая собственные взгляды, в той или иной степени использовали хорологическую концепцию. В деле распространения взглядов Геттнера значительную роль сыграли преподаватели географии, излагая его идеи в работах по методике преподавания и в докладах на съездах учителей географии.

По словам редактора русского перевода книги Геттнера «Страноведение Европы» Г. Г. Шёнберга (1925), «в настоящее время школа Геттнера может быть признана господствующей в научной и учебной литературе, а Геттнер должен считаться отцом новой географии или точнее страноведения» [23, с. 14]. В начале 1930-х гг. один из активных советских критиков Геттнера отметил: «Можно сказать, что до самого последнего времени геттнерианство господствовало в нашей начальной, средней и высшей школах, и корни геттнерианства очень сильны и в настоящее время» [12, с. 6].⁴

Распространение хорологической концепции. Статья Геттнера «Сущность и методы географии» на русском языке была опубликована только в 1925 г. Но влияние хорологической концепции можно обнаружить в сочинениях географов задолго до появления перевода. В 1908 г. А. А. Борзов (тогда учитель географии) в своей популярной работе «Картины по географии России» сообщил, что география выясняет законы взаимодействия между неорганическими явлениями на земной поверхности и населяющими ее организмами и устанавливает «типичные комплексы явлений, образующиеся в результате таких взаимодействий», отметив, что опирается на взгляды Э. Реклю, Ф. Ратцеля, А. Лаппорана и А. Н. Краснова. Кроме того, Борзов писал: «мы понимаем географию как науку о ландшафтах» [13, с. 4].

В том же году в статье «Сибирь» Борзов не только сделал весьма содержательный обзор литературы о Сибири, но и особое внимание уделил вопро-

¹ Следует отметить, что в немецком языке слова страна, ландшафт, область, местность — синонимы.

² Геттнер А. Европейская Россия // Землеведение. 1906. Кн. III—IV. Приложение; Европейская Россия. М., 1907; Европейская Россия // Россия. Культурно-политическая география. А. Геттнер и А. Безчинский. М., 1908. С. 5—151.

³ Геттнер А. Единство географии как науки и учебного предмета // География как наука и учебный предмет. Пг., 1924. С. 7—31; Страноведение Европы. Л., 1925; Сущность и методы географии // Вопр. страноведения. М.; Л., 1925. С. 33—85; Как культура распределялась по земному шару. Л., 1925.

⁴ О влиянии хорологической концепции на взгляды русских географов см. в работах Н. Г. Суховой [40] и Н. М. Дронина [19].

су о сущности географии. Хотя он назвал ее землеведением, но сообщил, что географ изучает своеобразные комплексы явлений и форм, и что «для географа эти комплексы являются в виде закономерно построенных ландшафтов». При этом, коснувшись вопроса о ландшафтах, Борзов упоминал немецких геологов В. Пенка и Э. Зюсса. Но затем, отметив, что важна точка зрения, с которой география рассматривает свой материал, и подчеркнув значение для географии пространственных отношений, «подобно тому, как для истории самое характерное, уяснение последовательности явлений во времени», сослался на работу Геттнера «*Das Wesen und die Methoden der Geographie*» [14, с. 8—9].

До 1917 г. Борзов неоднократно излагал свои представления о сущности географии, став активным пропагандистом и взглядов Геттнера. В 1912 г. в статье «География» для «Практической школьной энциклопедии» Борзов кратко изложил взгляды разных немецких географов о сущности географии, начиная с К. Риттера. По его мнению, с точки зрения новых воззрений особенно много было сделано Рихтгофеном, Ратцелем, Реклю и Геттнером. Отметив, что Рихтгофен выдвинул значение географии как науки об отношениях в пространстве, Борзов подчеркнул: «Еще точнее понимает задачи географии современный географ профессор Геттнер» [15, с. 155] и сослался на его классификацию наук. Считая, что страноведение изучает ландшафты, и рассуждая о «классификации для географических типов по степени их отвлечения от действительности», Борзов приблизился к мысли о том, что ландшафт — понятие абстрактное. Он писал: «...отрешаясь от второстепенных отличий и выдвигая на первый план черты, общие многим местностям, мы получим общую картину, тип, быть может, нигде в действительности и не встречающийся, но помогающий нам уяснить основные черты многих похожих местностей» [15, с. 157].

Свои представления о географии, опираясь на взгляды Геттнера, Борзов подробно изложил и в статье «География на летних учительских курсах». По его мнению, «эти взгляды тем легче нашли себе признание, что к ним подходили с разных сторон неоднократно различные исследователи, и только до Геттнера они не получали вполне отчетливых очертаний и столь полного логического обоснования». Называя географию наукой о пространственных отношениях явлений, изучающую комплексы причинно связанных явлений, Борзов отметил, что такие комплексы — «местности, страны, или вообще говоря ландшафты и подлежат в первую очередь географическому изучению» [16, с. 91]. Высказывая мнение о возможности классификации ландшафтов, Борзов полагал, что ландшафты разных уровней аналогичны видам, родам и семействам в биологии [16, с. 92].

В опубликованной в том же году статье «Почвоведение и география» Борзов тоже ссылаясь на Геттнера, отметив, что география «не знает отдельных явлений, а только связные ряды явлений и их взаимоотношения». Огромной заслугой Геттнера он считал, что тот «вскрыл ошибочность принципа классификации наук по объекту ведения» [17, с. 7—9].

Профессор географии Московского университета А. А. Крубер всегда внимательно следил за новой географической литературой как в России, так и за ее пределами. Именно Крубер публиковал сообщения о переводах труда Геттнера «Европейская Россия» в журнале «Землеведение». В статье Крубера «Физико-географические области Европейской России» (1907) имя Геттнера не упоминалось, но в начале этой статьи можно обнаружить рассуждения, на-

веянные его идеями. «Едва ли не основным признаком, выделяющим географию в самостоятельную науку, является то, что она рассматривает земную поверхность с точки зрения представляемых ею пространственных различий. Подобно тому, как история рассматривает различный характер последовательно сменяющихся эпох, так география рассматривает различный характер стран, местностей. Внешним образом эти различия запечатлеваются в ландшафте той или другой местности, и вот почему изучение ландшафта и истолкование тех сил и явлений, которые его обуславливают, играют все более важную роль в географии» [33, с. 163] (курсив мой. — Н. С.).

Основную мысль Геттнера о сущности географии Крубер изложил в очерке по истории географии, который предварял опубликованные в 1917 г. его лекции по общему землеведению для студентов Московского университета.¹ Согласно Круберу, «в 1905 г. Геттнер определил географию как хронологическую науку о земной поверхности (хронологическую от слова *choros* — место), выясняющую ее местные различия и рассматривал ее как комплекс частей света, стран, ландшафтов и местностей» [34, с. 35]. Определение географии, данное Геттнером, Крубер привел в своем труде и по-русски, и на немецком языке. Считая определение географии Геттнера «несколько туманным», он дал свое (как ему казалось, более удачное) определение.²

Крубер относился противоречиво к хронологической концепции. Он соглашался с идеей о географии как науке о взаимодействии явлений в пределах отдельных местностей и важности изучения ландшафтов, но не разделял мнения Геттнера о том, что география должна ограничиваться страноведением. Круберу была чужда мысль о необходимости исключения из географии общего землеведения. Он считал также, что пространственные отношения нельзя рассматривать как специфический признак географии, ибо этот признак используют и в других науках (прежде всего в математике). В географии следует использовать не только пространственный подход, но и исторический. По сравнению с земной поверхностью в целом любая ее часть искусственна. География должна изучать силы и явления на всей земной поверхности, прежде чем объяснить их взаимодействие в каждой данной местности (ландшафте). Крубер обратил внимание на то, что в России идеи, «родственные Геттнеровским», высказывали Э. Петри, Л. Берг, А. Борзов, А. Ярилов. Но и в Германии, и в России, по его мнению, последователи Геттнера пошли дальше самого Геттнера, «их воззрения не лишены ... преувеличений и крайностей, грозящих лишить географию по праву принадлежащей ей области исследования» [34, с. 36].

Не будучи особым поклонником хронологической концепции, Крубер все же считал необходимым защитить Геттнера от несправедливой критики. Он возражал тем географам, по мнению которых Геттнер был принципиальным противником физической географии, и напоминал, что Геттнер нередко публиковал статьи по вопросам физической географии в своем журнале «Гео-

¹ Крубер читал лекции в университете с 1905 г.; когда он впервые упомянул о взглядах Геттнера, неизвестно.

² Согласно Круберу, «география изучает распределение всякого рода явлений и форм на земной поверхности, выясняет связи и законности, существующие между распространением этих форм и явлений и причины, их вызывающие» [34, с. 35]. Это определение в известной мере отличается от определения Геттнера, который рассуждал о том, что география изучает прежде всего местные явления. Тогда как, по мнению Крубера, она должна изучать распределение явлений по всей земной поверхности.

graphische Zeitschrift».¹ «И интересует его при этом отнюдь не одна только форма (морфология), — писал Крубер, — но и процесс, в результате которого создавалась эта форма; генетическая точка зрения выдвигается вполне определенно, и классификация форм строится на генезисе» [35, с. 146—147].²

В 1913 г. во время заседания Биогеографической комиссии Русского географического общества с докладом о сущности географии выступил Л. С. Берг. Этот доклад Берга стал основой его статьи «Предмет и задачи географии», опубликованной в 1915 г. и оказавшей значительное влияние на распространение хорологической концепции. «Только взгляды Геттнера, к которым близко примыкает и автор этих строк, — считал Берг, — положили прочное основание географии как самостоятельной науки» [7, с. 467].³ Однако Берг отметил, что его представления о сущности географии отличаются от представлений Геттнера, так как Геттнер основным объектом исследования считал страну, а он — ландшафт. О взглядах Берга достаточно много написано, однако, вопрос о сущности этих различий даже не ставился. Сами работы Берга не позволяют определить, в чем они заключались.

Наиболее полно представления о сущности географии, опираясь на хорологическую концепцию, Берг изложил в статье «География и ее положение в ряду других наук». В этой статье, сообщив, что география — это наука о ландшафтах, Берг утверждал: «Итак, предметом географии служит, по нашему взгляду, *описание стран*. Эта точка зрения, подробно обоснованная Геттнером (1905), разделяется многими современными географами и ей, несомненно, принадлежит будущее» [8, с. 12]. В труде «Ландшафтно-географические зоны СССР» Берг писал: «*Между этими двумя направлениями — одним, рассматривающим географию как учение о ландшафтах, и другим, называющим эту науку страноведением, никакой принципиальной разницы нет*: первая точка зрения вытекает из второй, является уточнением второй». Впрочем, затем Берг отметил: «...нельзя согласиться с мнением Геттнера, что учение о географических ландшафтах есть ничто иное как обычное страноведение», так как ландшафт это естественное единство, имеющее границы, а страна определенных границ не имеет [9, с. 29].

Как уже отмечалось, взгляды Геттнера привлекали к себе большое внимание преподавателей школьной географии. В этом отношении интересна работа С. П. Аржанова «Методика начального курса географии» (1915). Согласно Аржанову, в истории развития методологии этой науки была значительной роль идей К. Риттера, и его идеи «по существу остаются тем поворотным пунктом, отправляясь от которого мысль человека пришла к современному взгляду на сущность и содержание географии» [3, с. 2]. Однако с течением времени представления о географии углублялись и «основное место в определении географии как науки в наше время принадлежит выдающемуся методисту Альфреду Геттнеру» [3, с. 3]. И Аржанов изложил свои представления о

¹ А. Геттнер основал этот журнал и был его редактором.

² Согласно Крубелю, некоторые преподаватели отрицательно относились к идее введения общего землеведения в средней школе, опираясь на взгляды Геттнера, так как считали его противником физической географии.

³ В Отчете РГО за 1915 г. (Пг., 1916. С. 45—46) сообщалось, что Л. С. Берг сделал доклад, «привлекший всеобщее внимание хорошо очерченной краткой историей вопроса, весьма ясным определением географии как вполне самостоятельной науки, в котором автор близок к известному географу Геттнеру и, наконец, чрезвычайно отчетливым отделением географии от других вспомогательных к ней наук».

географии, опираясь прежде всего на хронологическую концепцию. Но он не считал нужным исключать из географии общее землеведение, как это делал Геттнер.

О сущности географии с точки зрения хронологической концепции Аржанов неоднократно рассуждал и в советское время. Наиболее подробно он изложил эти взгляды в статье «Вопросы преподавания географии», где отметил, что среди методологических работ в области географии статья Геттнера «Сущность и методы географии» занимала исключительное место, и «методологическую литературу последнего времени можно рассматривать лишь как дополнение и поправки к названной статье или как вариации ее» [4, с. 194]. По мнению Аржанова, в основе географии как науки идиографической лежит идея комплекса, «хронологичен» сам предмет географии, а не метод. Метод заключается в сравнении различных местностей и выявлении причин их различия. Анализ всех обстоятельств, которые можно считать причиной данного факта, Аржанов назвал методом интерпретации.

Аржанов считал, что Геттнер не дал убедительного ответа на вопрос о сущности общего землеведения. По мнению Аржанова, логического различия между общей и частной географией не существует, их следует считать лишь разными видами изложения материала. Производится либо описание распределения явлений по всей земной поверхности, либо описание отдельных местностей или ландшафтов; «земная поверхность в целом ничто иное, как крупный комплекс» [4, с. 199]. Он предлагал также критически отнестись к предостережениям Геттнера — не увлекаться родовыми понятиями и не пытаться отыскивать законы. Согласно Аржанову, поиски закономерностей должны быть целью любой науки.

Педагог Э. Ф. Лесгафт также считал Геттнера наиболее ярким выразителем нового направления в географии. Вслед за Геттнером он отмечал, что единство географии с методологической точки зрения достигается тем, что «вещи и явления география рассматривает как явления пространства». География в известном смысле создает свой объект, которым является страна «в смысле некоторого индивидуума» — отдельные части земной поверхности понимаются как индивидуальное целое. Но «география не отделяет объект от среды, она изучает саму среду — совокупность элементов в той группировке, в которой они существуют в природе. Только в географии мы, изучая природу, остаемся в естественной обстановке, берем действительность, как она есть, не создаем искусственных комбинаций, не разделяем элементов ее». По словам Лесгафта, «хронологическая точка зрения является не методом, а составляет существо самой науки. Под методом понимается лишь путь, ведущий к известной цели. Хронологическим должен быть назван не этот путь, а сам предмет, цель географии» [36, с. 79].

Лесгафт обратил внимание и на то, что «Геттнер стоит вполне на почве Риттеровой географии. Его определение географии как хронологической науки, науки о наполнении пространства вещами, заимствовано у Риттера, на что, впрочем, указывал и сам Геттнер» [36, с. 80]. Но, по мнению Лесгафта, Геттнер развил хронологическую точку зрения, отбросив все, что ей не соответствует. География — не наука о местном распределении объектов, а о «наполнении пространства вещами». Одной из заслуг Геттнера было то, что «природа у него не низводится до степени обстановки человека», а имеет «самодавлеющее значение», а человек у Геттнера не играет такой исключительной роли, как это было у Риттера. Несмотря на упомянутые заслуги, по мне-

нию Лесгафта, Геттнер «полного единства, единообразия и понимания предмета географии, однако же не достиг» [36, с. 81].

Любопытна статья Х. Шумкова «Принципы географического исследования», опубликованная в 1922 г. Автор не упоминал ни одного имени и не ссылаясь ни на одну работу предшественников. Но в его работе читаем: «Географическое изучение базируется на двух принципах — на исследовании взаимодействия, взаимоотношения между живой и мертвой природой, с одной стороны, и на установление этого взаимодействия (ландшафта), меняющегося в связи с переменой места — с другой. Первый принцип носит название комплексности (лат. *комплетто* — сплетаю, связываю), а второй — хорологичности (греч. *хорос* — место). Если комплексность нельзя считать чисто географическим принципом, то хорологичность, т. е. исследование явлений в связи с тем или иным местом на земле, принцип преимущественно и даже исключительно географического порядка». Для географического исследования открылись новые перспективы именно благодаря хорологичности, т. е. стремлению изучить всю совокупность явлений того или иного места земной поверхности как единого целого. «Под понятием географический ландшафт (географическое сообщество), — писал Шумков, — понимается не просто внешняя картина, пейзаж или случайное скопление отдельно стоящих друг от друга явлений живой и мертвой природы, но известный комплекс, в котором все явления связаны между собою самыми тесными внутренними узами, причинно-следственными взаимодействиями и закономерностями» [42, с. 55]. Шумков называл ландшафт также «функцией действующих в том или ином месте географических факторов» и считал, что среди факторов, образующих ландшафт, необходимо «не упустить» и человека.

А. А. Григорьева не принято считать последователем Геттнера, хотя известно, что он работал в семинаре Геттнера в Гейдельбергском университете и позже там же писал докторскую диссертацию, тему которой обсуждал с Геттнером.¹ Григорьев — автор статьи о Геттнере как профессоре географии.² В «Большой советской энциклопедии» (1929) опубликован его очерк о Геттнере — единственный в советской литературе обстоятельный источник сведений о биографии и деятельности Геттнера как ученого.

Григорьев несомненно в какой-то степени был знаком с хорологической концепцией на раннем этапе своей деятельности, но о влиянии этой концепции на его представления о сущности географии трудно судить на основе статей 1920-х гг. Создается впечатление, что методологические проблемы Григорьева тогда не очень интересовали. Теоретические суждения Григорьева в этом отношении отражали влияние не столько взглядов самого Геттнера, сколько его русских последователей. Впрочем, в статье об экономической географии встречаются понятия «ландшафт» и «географическая среда». А в конце этой работы Григорьев подчеркнул: «Сама географическая наука —

¹ О том, что Григорьев учился у Геттнера, сообщил автор подробной биографии Григорьева [1, с. 96]. Но об отношении Григорьева к хорологической концепции в этой книге не упоминается.

² Отметив, что перу Геттнера принадлежало много работ по разным географическим проблемам, Григорьев писал: «Эта разносторонность профессора Геттнера, его склонность к методологическим вопросам и глубокая продуманность его работ, заставляет внимательно отнестись к той постановке преподавания географии, которую он создал в Гейдельбергском университете» [27, с. 211]. Григорьев перечислил курсы, которые по инициативе Геттнера читались в этом университете.

наука хоролого-генетическая, так как все свойства каждой географической среды являются функцией в первую очередь географического положения данной территории» [28, с. 20, 21].

В очерке о Геттнере в «Большой советской энциклопедии» Григорьев отметил, что Геттнера «глубоко интересовали вопросы методологии географии» и «едва ли кто-нибудь другой после Гумбольдта сделал в этом отношении так много, как Геттнер», но не упомянул о хорологической концепции. Тогда как в опубликованной в 1930 г. статье «География теоретическая и прикладная, их современное состояние и намечающиеся пути развития» [29], особо подчеркнув значение методологии для географии, Григорьев делал ссылки не только на работу Геттнера 1905 г., но и на недавно опубликованный его труд «Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden» (Breslau, 1927). Впрочем, и в этой статье идеи Геттнера явно переплетались с взглядами русских географов.

Григорьев соглашался с мнением Геттнера о том, что география на протяжении своей истории была в основном описанием стран. Можно предположить, что и свое «движение» к идее географической оболочки как основному объекту исследования физической географии (впервые изложенной в этой статье) Григорьев начал, отталкиваясь от идеи Геттнера о географической среде. По словам Григорьева, географическая среда отражает «всю ту сложную совокупность функциональных зависимостей между различными элементами географического ландшафта, характер которых и определяет собой внешний характер последнего» [29, с. 9]. Кстати, именно в этой работе Григорьев пришел к выводу о том, что география должна изучать механизм географической среды и приходно-расходные балансы разных видов материи и энергии в ее изменяющихся условиях [29, с. 20].

Если Григорьева географы советского времени последователем Геттнера не считали, то никто не сомневался в том, что его последователем был В. П. Семенов-Тянь-Шанский. В начале XX в. к Геттнеру он действительно относился с уважением, мысль о географии как страноведении, пространственный принцип как основа географии были ему близки. Во всяком случае, в рукописи «Основы страноведения или топология» (1919) В. П. писал, что страна — «это с географической точки зрения собрание однотипных мест в виде ландшафтов».¹ А затем отметил: «Около географии все ходят, но за редким исключением не достигают вершины здания, сбиваются с пути ... Только немногие ученые, как Альфред Геттнер — творец учения о географическом ландшафте, как главном предмете этой науки, открывает весь фронтон здания».²

Материалы упомянутой рукописи, как и рукопись Семенова-Тянь-Шанского «Географические законы» затем вошли в его знаменитый труд «Район и страна». Этот труд несомненно основан на идее о географии как страноведении, пространственный принцип лежит в основе взглядов автора, и особые главы посвящены понятиям «страна», «район» и «ландшафт». Но суждения Семенова-Тянь-Шанского о содержании этих понятий существенно отличались от взглядов Геттнера (например, ландшафт он называл пейзажем).³

¹ Архив РГО. Ф. 48. Оп. 1. № 2. Л. 6.

² Там же. Л. 23.

³ Согласно В. П. Семенову-Тянь-Шанскому, «Страна есть совокупность однотипных мест, обладающих определенным географическим пейзажем» [38, с. 48]. В книге «Район и страна» при изображении пейзажей В. П. использовал термины микро-, мезо- и макро-ландшафт.

В главе об истории географии В. П. писал, что Геттнер «дал точное теоретическое определение географии как самостоятельной дисциплины, обозначив ее как хорологическую науку о земной поверхности», и данное Геттнером определение географии назвал «поворотным моментом огромной важности в историческом ходе взглядов на географическую науку, вернувшем ее окончательно на утраченный было путь широкого и всестороннего географического *синтеза*» (выделено В. П. Семеновым-Тянь-Шанским). Однако сразу вслед затем он отметил: «К сожалению, Геттнер, по складу своего ума, изложил идеи в обычной для германских ученых не особенно ясной и трудноусвояемой, тяжеловатой форме, требующей особых толкований» [³⁸, с. 35—36]. Ни один из других русских географов так не считал.

Но самое удивительное — воспоминания Семенова-Тянь-Шанского. В рассказе о событиях начала XX столетия о хорологической концепции там речь вообще не идет, и только с презрением упоминается А. А. Григорьев (которого В. П. чрезвычайно не любил) как ученик и «фанатический поклонник Геттнера» [³⁹, с. 47, 234].

Последствия и противоречия. Пространственный принцип как важнейший для определения предмета географии стал основой представлений о том, что наконец-то обнаружен особый предмет географического исследования, что география должна изучать страны, или ландшафты в качестве комплексов взаимодействующих явлений. (Недостаточная четкость содержания понятия «страна» в работе Геттнера никого не смущала). Казалось, что хорологическая концепция ставила географию в один ряд с прочими науками (в которых вопрос о предмете не вызывал такой активной и длительной полемики). Концепция Геттнера придавала географам уверенность в научном характере, а главное — в самостоятельности географической науки. Впрочем, не все географы соглашались с идеей, что география должна ограничиваться страноведением. Во всяком случае, Крубер, Аржанов, Лесгафт и Григорьев считали, что общее землеведение нельзя исключать из географии.

О ландшафте. Термин «ландшафт» еще в конце XIX в. можно обнаружить в сочинениях русских ученых, но тогда само это понятие обычно связывали с типом рельефа [⁴⁰, с. 85—94]. Представления о ландшафте как основном предмете географической науки распространились в России после 1905 г., чему содействовала и работа Геттнера.¹ Суждения о ландшафте как предмете географического исследования появились в работах ученых России еще до публикации знаменитой статьи Берга «Предмет и задачи географии» (1915).

А. А. Борзов первым в русской географической литературе отчетливо соединил понятия «ландшафт» и «комплекс». С 1912 г., рассуждая о географии как науке о ландшафтах, он опирался и на взгляды Геттнера. А. А. Крубер в своих лекциях, поясняя определение географии Геттнера, подчеркивал, что это определение «весьма ясно показывает, какое преобладающее место в нем занимает изучение ландшафта» [³⁴, с. 40]. Рецензируя в 1924 г. сборник «Вопросы географии в новой школе», Крубер отметил однообразие содержания в нем работ по методологии, так как оно сводилось «к пропаганде уже известных воззрений гейдельбергского профессора Геттнера на сущность геогра-

¹ Согласно Н. М. Дронину: «...нельзя утверждать, что идея ландшафта появилась благодаря хорологической концепции немецкого ученого, но эта идея получила методологическое обоснование в системе взглядов А. Геттнера» [¹⁹, с. 68].

фии как науке о ландшафтах» [35, с. 73—74]. По словам экономикогеографа С. В. Бернштейна-Когана, Берг, «продолжая мысль Геттнера», считал, что ландшафт должен быть основным объектом географии. А сам Бернштейн-Коган предложил для экономической географии понятие «экономический район», «коррелятивное понятию „ландшафт“ в чистой географии» [10, с. 12—13].

Между тем о сущности понятия «ландшафт» высказывались самые разнообразные мнения. Ландшафт называли областью, пейзажем, типом и телом природы. Одни отождествляли ландшафт и район, другие делили ландшафты на районы, третьи полагали, что район (область) представляет собой совокупность ландшафтов. Л. С. Берг называл ландшафт и областью, и пейзажем, и районом, и типом. В. П. Семенов-Тянь-Шанский называл ландшафт пейзажем.

Интересны идеи о ландшафте в работах двух учеников Л. С. Берга, которые в свое время не привлекли к себе особого внимания. В 1925 г. увидел свет сборник «Вопросы страноведения», в котором, наряду со статьями Л. С. Берга, А. А. Григорьева и А. Геттнера, опубликована статья «Попытка математического понимания развития ландшафта» И. Н. Гладцина (выпускника Географического института) [25]. Гладцин сравнивал ландшафт с особым организмом — сложным переплетением причин и следствий, определяющих отношения между природными явлениями. Он считал ландшафт динамическим единством, все процессы которого начинаются вместе с его возникновением. Ослабление процесса развития ведет к тому, что роль каждого элемента ландшафта делается менее заметной. В зрелом ландшафте изменения явлений происходят с разной интенсивностью.

Гладцин пришел к выводу, что можно создать формулу ландшафта. Для этого следует вычленить отдельные элементы ландшафта, установить их зависимость друг от друга, определить прядок в «строке», степень влияния каждого в направлении «возбудимости» одних и «угнетения» других, а также — зависимость такого влияния от времени. Гладцин понимал, что задача создания формулы ландшафта не только сложна, но и едва ли осуществима. Вместе с тем он полагал, что отыскание подходящих коэффициентов для размещения элементов по степени их влияния в ландшафте «могло бы дать возможность для теоретических изысканий в области возможных изменений данного ландшафта путем устранения, усиления или изменения какого-либо фактора» [25, с. 92]. Статья Гладцина стала первой попыткой создания модели «идеального ландшафта» (природного комплекса).

В следующем году на немецком языке была опубликована статья другого выпускника Географического института Э. А. Маркуса. По его мнению, взгляды А. Геттнера, З. Пассарге и Л. Берга дополняли друг друга [43, с. 79]. Статья самого Маркуса в какой-то мере дополняла взгляды упомянутых географов. Уделяя особое внимание содержанию понятия «природный комплекс», Маркус считал, что «ландшафт настолько географичен, насколько представляет собою природный комплекс». Ландшафт следует считать одним из видов комплекса, наряду с зонами и поясами. Маркус предлагал исходные принципы для изучения комплексов: повторяемости, рядов, непрерывности и сдвига, полагая, что все они основаны на принципе постоянства. Сущность принципа постоянства Маркус не пояснял, но, вероятно, имел в виду устойчивость комплексов. Маркус обсуждал также вопрос о соотношении между реальной совокупностью явлений на земной поверхности и абстрактными понятиями. Он пытался решить проблему, которая до сих пор не решена и ред-

ко обсуждается в работах, посвященных методологическим проблемам географии.

Геттнер подчеркивал, что география — конкретная наука, поэтому математические методы не могут в ней найти применение. Берг рассматривал ландшафт как реальное единство (тело природы). Однако можно предположить, что хорологическая концепция в какой-то мере послужила предпосылкой для появления идей этих талантливых молодых географов: как для мысли Гладцина о возможности упрощения совершающихся в действительности процессов и создании модели ландшафта, так и для размышлений Маркуса о соотношении действительности и абстрактных понятий при рассуждениях о природном комплексе как предмете исследования.

Время в географии. Классификация наук, предложенная Геттнером, и противоречивость его суждений не позволяли русским географам обращать внимание на отдел его работы 1905 г., который назывался «Момент времени».¹ Отчасти поэтому они долго отрицали значение генетического принципа для географии. Представления о важности генетического принципа с трудом проникали в русскую географическую литературу. А. А. Борзов в 1914 г. историческую точку зрения связывал только с геологией. А в следующем году, обсуждая программы преподавания географии в средней школе, он отметил, что существо и структура закономерных группировок на земной поверхности «определяется связанностью явлений в пространстве, а не историческими или какими иными влияниями» [18, с. 178]. Э. Ф. Лесгафт в 1918 г. решительно отрицал значение генетического принципа для географии.

Тогда как А. А. Крубер в своих лекциях по общему землеведению отметил: «...географы, действительнодвигающие науку, как, например, Геттнер, даже вопреки своим теоретическим воззрениям принуждены работать и в области физической географии, не только описывая, но и стараясь выяснить генезис той или иной формы, того или иного явления» [34, с. 40].

В 20-х гг. XX в. рассуждения о генезисе и динамике ландшафтов все чаще стали встречаться в работах, посвященных вопросу о сущности географии. С. П. Аржанов в примечаниях к статьям в сборнике «География как наука и учебный предмет» писал: «Тенденция рассматривать все факты в историческом освещении есть наиболее яркая черта эволюции географии в течение последних лет». В данном случае Аржанов повторял мысль французского географа Э. Мартонна. Но затем подчеркнул: «Историческая (генетическая) точка зрения находит себе полный простор в области страноведения, ибо каждый ландшафт (страна) должен быть не только описан, он должен быть истолкован» [5, с. 162]. Исторический подход, по мнению Аржанова, есть следствие применения принципа причинности. Он писал также: «...для географии имеет чрезвычайно большое значение генетическая точка зрения», утверждал, что «динамические процессы в ландшафтах можно изучать, только опираясь на генетический принцип» [6, с. 35]. (Следует напомнить, что Аржанов рассуждал о географии на основе хорологической концепции). В 1925 г. А. А. Григорьев назвал географию хоролого-генетической наукой

¹ В этом отделе речь шла о том, что объектом географического исследования может служить и время во всех его периодах. Геттнер считал «неосновательным» противопоставление географии как науки только о настоящем, геологии как науке только о прошлом. Он отмечал, что география предпочитает настоящее время прошлому и не занимается изучением хода развития явлений во времени, но эти сведения необходимы географии для понимания настоящего.

[²⁸, с. 26], а в 1930 г. — наукой генетико-хорологической [²⁹, с. 12]. Сам Геттнер в 1927 г. назвал время одним из факторов, необходимых для выяснения причин явлений [²⁴, с. 121], отмечая, что география нуждается в генетическом принципе.¹

Человек в географии. Геттнер утверждал мысль о необходимости изучать отношения между человеком и природой. Однако вопрос о том, каким образом следует решать эту задачу, в его работах не имел однозначного ответа. По мнению Геттнера, «человеческие проявления» следует объяснять из естественных условий. Он критиковал последователей К. Риттера, которые уделяли много внимания антропогеографии, а между тем книга Геттнера «Европейская Россия» имела подзаголовок «Антропогеографический этюд». Экономическую географию Геттнер относил к особой науке о человеке, а науку о человеке рассматривал как науку, аналогичную географии растений и географии животных. И в одной из своих работ Геттнер писал: «Изучение человека, как части Земли, есть бессмыслица, потому, что оно должно ограничиться изучением лишь самых общих прямых зависимостей или охватить все науки о человеке» [²¹, с. 11].

Разнообразие суждений Геттнера об отношениях человека и природы и отсутствие ясных представлений о том, каким образом следует включать человека с его деятельностью в описание стран, вело к тому, что взгляды Геттнера воспринимались неоднозначно. Борзов считал, что при построении ландшафта следует включать в описание и человека с его бытом и сложностью социальной жизни. При этом он называл человека частью органического мира (одним из элементов природы). Берг, подчеркивая, что ландшафт — комплекс естественных явлений, писал и о культурном ландшафте. Одни считали достоинством хорологической концепции «преодоление» антропоцентризма, «свойственного последователям Риттера», и подчеркивали интерес Геттнера к природе как к условиям жизни человека. Другие упрекали Геттнера за чрезмерное внимание к физической географии и недостаточное внимание к человеку (и по существу к экономической географии).

Критика. Таким образом, до начала 1930-х гг. некоторые противоречия в понимании хорологической концепции и возражения против взглядов Геттнера были связаны в основном с принятием или не принятием тех или иных его суждений или различным их пониманием. Еще в 1929 г. некоторые авторы отмечали большое значение хорологической концепции для развития географии.

Ситуация резко изменилась после 1930 г., когда на русском языке был опубликован труд Геттнера «География, ее история, сущность и методы». В этом труде он значительно углублял и уточнял основные положения своей статьи 1905 г. Труд был переведен и издан по инициативе профессора экономической географии Московского университета Н. Н. Баранского. В предисловии он назвал труд Геттнера энциклопедией по методологии географических наук, «в которой всякий работник на поле географии найдет для себя практический полезный совет и будящее теоретическую мысль указание». По словам Баранского, «рецептирование» в русской географии понятия «район»

¹ Согласно Геттнеру, «объяснить причину явления часто бывает невозможно без исследования его генезиса». Он также подчеркивал: «...всякое естественное деление должно быть генетическим, т. е. должно воспроизводить имеющиеся в действительности причинные связи» [²⁴, с. 213, 278].

«не только оживило у нас методологическую мысль, но и произвело немалое количество конкретно полезной работы» [24, с. 5].¹ Особое значение в рассуждениях Геттнера Баранский придавал идее «единства географии». Он считал, что именно эта идея утверждает право географии на самостоятельное существование.²

Баранский не считал нужным глубоко анализировать хорологическую концепцию, но как член партии большевиков, владеющий марксистской философией, решил ее немного покритиковать. По его мнению, в концепции Геттнера «уживались все философские направления». Вопрос о взаимодействии человека и природы «во всей его диалектической сложности перед ним даже не стоит». Баранский упрекал Геттнера за то, что в его «географии человека» речь не шла о «социогеографии», был недоволен тем, что критерием «географичности» у Геттнера служила пространственная связь человеческих явлений с явлениями природы, а не между собой. Огорчало Баранского и то, что Геттнер лишь вскользь упоминал о теориях экономистов Тюнена и Вебера, не заметив значения этих теорий для методологии экономической географии,³ что Геттнер в своем труде не касался вопросов о географическом разделении труда и об особых экономико-географических закономерностях. По мнению Баранского, недостатки с точки зрения социогеографии и экономической географии были результатом «ограниченности буржуазного мышления» Геттнера, «уклоняющегося от диалектики» и его «недостаточной личной осведомленности в области общественных наук». Считая упомянутые недостатки кардинальными недостатками хорологической концепции, Баранский выражал надежду, что издание труда Геттнера поможет географам России изжить упомянутые недостатки [24, с. 5].⁴

Когда «передовые географы» нашей страны решили, что необходимо внедрять в географию основы диалектического материализма, им показалось, что хорологическая концепция — именно тот путь, по которому «идеализм» проник в географию.⁵ Попытка Баранского подстраховаться и продемонстрировать свою приверженность к диалектическому материализму ему не помог-

¹ В русской литературе не Геттнер, а С. В. Бернштейн-Коган «рецептировал» понятие «район» в экономическую географию. Тогда как Геттнер к проблеме районирования относился скептически и не имел в виду единство физической и экономической географии. По его мнению, единство географии заключалось в ограничении ее содержания страноведением. Такая мысль противопоставлялась распространенному в конце XIX столетия взгляду на географию как науку только о природе.

² Идея «единства» физической и экономической географии, которая распространилась под влиянием Баранского, особенно активно обсуждалась в 60-х гг. XX в. и по существу до сих пор пользуется популярностью.

³ Баранский не знал, что С. В. Бернштейн-Коган обратил внимание на то, что идеи Тюнена и Вебера полезны для решения экономических, но не географических проблем.

⁴ Баранский считал, что, несмотря на упомянутые недостатки, методологические построения Геттнера «стоят гораздо выше традиционного направления экономической географии [т. е. ее отраслевого направления] с его ползучим эмпиризмом». Ярлык «ползучий эмпиризм» затем стали часто использовать представители «марксистской географии», критикуя «идеалистические взгляды» географов.

⁵ В 1925 г. Г. И. Чочиа (в предисловии к переводу труда Геттнера «Страноведение Европы») писал: «Вообще, нужно сказать, что А. Геттнер, крупнейший ученый географ и выдающийся методист, будучи, очевидно, идеалистом чистейшей воды, далеко не учитывает важности экономических факторов, и это зачастую приводит его к неправильным выводам» [23, с. 9].

ла. Издание перевода труда Геттнера не позволило географам «изжить недостатки» в области экономической географии, но Баранского стали причислять к «геттнерианцам». Тогда как его предисловие к труду Геттнера в некоторой степени определило направление последующих критических суждений. Издание перевода труда Геттнера стало удачным поводом к активной критике как его концепции, так и взглядов тех, кого считали его последователями. Критики навешивали на них нелепые ярлыки, часто не имевшие отношения ни к хорологической концепции, ни к географии. Имя Геттнера использовали как дубинку для тех, кто не владел диалектическим материализмом (точнее, тем, что под этим подразумевалось в «марксистской географии»).

В 1930 г. была опубликована статья И. Н. Алкина «Учение Геттнера и марксистская экономическая география», которая положила начало активным критическим выступлениям. Алкин называл Геттнера представителем германского империализма и шовинизма, считал его последователем И. Канта и О. Конта, Э. Маха и Р. Авенариуса, Ж. Бодена и В. Вундта, упрекал его в агностицизме, рационализме, эмпиризме, вульгарном географизме и даже в использовании формальной логики. Согласно Алкину, «Метод Геттнера выходит за рамки индукции и дедукции, эмпиризма, сравнительного метода и вундтовского метода интерпретации» [2, с. 98]; верные идеи о генезисе и о взаимодействии географических явлений Геттнер «трактовал совершенно неправильно». Алкина возмущала не только идея ландшафта, но даже мысль о том, что пространство получает свое значение только через содержание.

Перечислив представителей «геттнерианства» в советской экономической географии (Бернштейн-Коган, Баранский, Григорьев, Синицкий и Каменецкий), Алкин сообщил, в чем вина каждого из них. Так, Бернштейна-Когана он назвал главой «буржуазного районного направления» и «представителем империалистических кругов, оправдывавших империалистические захваты» [2, с. 101—103], а Баранского упрекал за то, что тот не боролся с «буржуазным районным направлением» в экономической географии [2, с. 105—106]. Кстати, Алкину принадлежала и «честь» введения в географическую литературу термина «марксистская география», которым советские географы пользовались по крайней мере до 80-х гг. XX столетия.

Упомянутые обвинения, неприличные по форме и неверные по существу, не имели ничего общего с научной полемикой. Сегодня можно только удивляться нелепости замечаний Алкина, считавшего Геттнера последователем самых разных философских учений и по существу не знавшего основных представлений в области теоретической географии. Но в свое время его статья «предложила» желаемым богатый материал для борьбы с идеализмом в географии.

О влиянии статьи Алкина особенно ясно свидетельствовал характер обсуждения, которое в марте 1931 г. состоялось во время методологического семинара в Географо-экономическом институте при Ленинградском университете. Часть выступлений на этом семинаре была опубликована в следующем году в сборнике «На методологическом фронте географии и экономической географии». О критических замечаниях авторов сборника уже упоминалось в географической литературе,¹ однако можно несколько дополнить эти сведения.

¹ 150-летие со дня рождения Геттнера вдохновило экономикогеографов А. А. Ткаченко и Э. Л. Файбусовича на создание обширной содержательной статьи, включавшей как анализ взглядов Геттнера, так и весьма выразительное изложение критических отзывов о его концепции [41].

Например, М. Богданчиков в своей статье идею об экономических районах Бернштейна-Когана противопоставил взглядам о районировании Российской империи, предложенном В. И. Лениным.¹ «Известного идеолога кулачества и вредителя» экономиста А. А. Рыбникова (который, вероятно, не был последователем Геттнера) Богданчиков критиковал даже за работы, написанные до революции. Ему не нравилось, что Рыбников доказывал прогрессивность мелкого земледелия, вечность капиталистического способа производства и к тому же утверждал: «Россия рано или поздно все равно неминуемо станет на путь развития капиталистических отношений». Недостатком взглядов Рыбникова Богданчиков считал и то, что он разрабатывал учение о кооперации «в духе Чаянова и Кондратьева» [12, с. 20, 22].

К сожалению, даже М. А. Первухин, автор наиболее глубокого на русском языке сочинения 1930-х гг. о методологических проблемах географии, позволил себе грубые выпады в адрес Геттнера [37]. Он назвал Геттнера «идеологом германского империализма», его концепцию «эклектической и лоскутной», повторял и другие нелепости, появившиеся в географической литературе. Парадокс заключался в том, что Первухин не только был знаком с трудами Геттнера, но ему явно были близки многие его идеи.

Так как понятие «ландшафт» оказалось связанным с именем Геттнера, в глазах некоторых ученых и оно превратилось в запрещенное понятие. А. Д. Гожев в 1934 г. писал: «Не преувеличивая, можно сказать, что многие географы избегали произносить в положительном смысле слово „ландшафт“, чтобы не быть заподозренным в геттнерианстве; да это еще имеет место и сейчас» [26, с. 497].

Форма критики оказывала огромное влияние на психику современников, выдержать ее давление удавалось не всем. Известные географы реагировали на критику различно. Л. С. Берг от хорологической концепции не отказывался, но пытался и себя, и Геттнера защитить от упреков в идеализме, ссылаясь на классиков марксизма [32, с. 25]. Тогда как А. А. Григорьев, которого критика очень напугала, с методологическими работами Геттнера наиболее внимательно познакомился именно тогда, когда готовил статью «Предмет и задачи физической географии». В этой статье он пытался критиковать хорологическую концепцию с точки зрения диалектического материализма и покался, что, рассуждая о сущности географии, он «в некоторых случаях примыкал к Геттнеру» [30, с. 48]. Впрочем, Григорьев был единственным из критиков, который ссылаясь на труд самого Геттнера, и даже позволил себе отметить, что иногда тот был прав.²

В. П. Семенов-Тянь-Шанский в своих воспоминаниях писал, что в ответ на критику его книги «Район и страна» он «спокойно заявил, что она [критиковавшая его аспирантка] глубоко заблуждается, считая меня геттнерианцем, с которым у меня имеются глубокие теоретические расхождения (например, по

¹ В советское время представители экономической географии неоднократно ссылались на важность работ В. И. Ленина для решения проблемы географического районирования.

² Позже в работе «Развитие теоретических проблем советской физической географии» Григорьев уделил идеям Геттнера гораздо больше внимания, чем взглядам советских географов 20-х гг. XX в., рассматривавшим методологические проблемы [31, с. 15—17]. Григорьев даже отметил, что «стихийно материалистические высказывания А. Геттнера затушевывали идеалистическую сущность его методологических воззрений».

картам населения)» [39, с. 232]. По существу, В. П. точно не помнил, когда и почему звучала критика тех, кого считали последователями Геттнера. Но, судя по содержанию воспоминаний, сам он после этой критики перестал считать себя его последователем.

Заключение. Итак, если согласиться с мнением А. А. Борзова и Г. Г. Шёнберга, что в начале XX столетия существовала школа Геттнера, можно говорить о русской ветви этой школы. Быстрому распространению хорологической концепции в России содействовала достаточно подготовленная почва. О значении методологических идей К. Риттера, которые лежали в основе концепции Геттнера, упоминали многие географы, касавшиеся истории географической науки и в конце XIX в., и в 10—20-х гг. XX в. Но статья Геттнера «Сущность и методы географии», отвечая на вопросы, возникавшие в связи с этой проблемой у русских географов, казалась более убедительной, чем мнения предшественников. Хорологическую концепцию они рассматривали как «новый этап» или «новый поворот» в географической науке.

Концепция Геттнера казалась привлекательной как для тех, кто безоговорочно принимал все ее положения, так и для тех, кто критически относился к некоторым выводам Геттнера. Концепция служила предпосылкой и для появления новых идей. Но влияние хорологической концепции не вело к ее однозначному восприятию. Процесс усвоения взглядов предшественников вообще сложен. Ссылки на работу того или иного автора вовсе не означают, что его взгляды усвоены и верно поняты. Тогда как отсутствие ссылок не свидетельствует о том, что автор излагает только собственные мысли.

Известная противоречивость в усвоении идей Геттнера была следствием отчасти сложности определения теоретических основ географии, отчасти — некоторой противоречивости в его суждениях. И если А. А. Борзов, Л. С. Берг, С. П. Аржанов, Э. Ф. Лесгафт считали, что хорологическая точка зрения определяет предмет географии, то А. А. Крубер и Г. Г. Шёнберг видели «хорологичность» в методе. Некоторые географы возражали против исключения из географии общего землеведения, а другие утверждали, что Геттнер вовсе его и не исключал, так как рассуждал также о всеобщем сравнительном страноведении. Одни основной задачей хорологического исследования считали изучение взаимодействия явлений в пределах отдельных стран (местностей, ландшафтов) — «наполнение пространства»; другие — распространение явлений и комплексов по земной поверхности, наукой о границах в начале столетия называли географию Л. С. Берг и В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Одни (вслед за Геттнером) считали географию идиографической наукой (наукой об индивидах), другие обращали внимание на его мнение о том, что никакие науки не следует делить на идиографические и номотетические.

Но не противоречивость понимания взглядов Геттнера привела к критическим суждениям о хорологической концепции, а попытки связать его суждения с идеалистической философией. Критика последователей хорологической концепции — «геттнерианцев» — поставила серьезную преграду для развития теоретических воззрений в нашей стране, особенно в области экономической географии. Хотя практически все географы в своих библиотеках имели труд Геттнера, не могло быть и речи об анализе его воззрений, и тем более — выяснения их роли в истории русской географии. Географы должны были скрывать свою приверженность к хорологической концепции.

Представления о Геттнере как идеалисте были вполне усвоены советскими географами 40—80-х гг. XX в., даже теми, кто сам не читал критические статьи 1930-х гг. Прочно утвердились взгляды, согласно которым в прошлом существовало «идеалистическое направление» в географии, представителями которого были И. Кант, К. Риттер и А. Геттнер. Этому направлению противопоставлялось «материалистическое направление», которое олицетворяли труды В. Гумбольдта и В. В. Докучаева. К сожалению, и вопрос о сущности экономической географии очень быстро переместился из научной плоскости в идеологическую. Между тем, восстанавливаясь в 1960-х гг. после многолетнего идеологического прессинга, представители экономической географии пытались преодолеть отставание, опираясь прежде всего на хорологическую концепцию. Влияние взглядов Геттнера на суждения представителей социально-экономической географии в какой-то мере сохраняется до сих пор.

Список литературы

- [1] *Александрова Т. Д.* Академик Андрей Александрович Григорьев. Жизнь и научное творчество (1883—1968). М.: Институт географии РАН, 2011.
- [2] *Алкин И. Н.* Учение Геттнера и марксистская экономическая география // Социалистическое хозяйство. Л., 1930. Кн. 3. С. 95—106.
- [3] *Аржанов С. П.* Методика начального курса географии. Пг., 1915.
- [4] *Аржанов С. П.* Вопросы преподавания географии // Просвещение. М.; Л., 1923. № 3. С. 3—17.
- [5] *Аржанов С. П.* Дополнения и примечания // География как наука и учебный предмет. Пг., 1924. С. 156—167.
- [6] *Аржанов С. П.* География в школе и в жизни // Вопр. географии в новой школе. Л., 1926. С. 29—44.
- [7] *Берг Л. С.* Предмет и задачи географии // Изв. РГО. 1915. Т. 51, вып. 9. С. 463—475.
- [8] *Берг Л. С.* География и ее положение в ряду других наук // Вопр. страноведения. М.; Л., 1925. С. 3—17.
- [9] *Берг Л. С.* Ландшафтно-географические зоны СССР. (Приложение к Трудам по прикладной ботанике, генетике и селекции). Л., 1930. Ч. 1. Введение.
- [10] *Бернштейн-Коган С. В.* Очерки экономической географии. М., 1922.
- [11] *Богданович К. И.* Фердинанд барон фон Рихтгофен // Изв. РГО. 1906. Т. XLII, вып. 1. С. 247—263.
- [12] *Богданчиков М.* Задачи экономической географии на современном этапе // На методологическом фронте географии и экономической географии. Л., 1932. С. 5—26.
- [13] *Борзов А. А.* Картины по географии России. М., 1908.
- [14] *Борзов А. А.* Сибирь // Критическое обозрение М., 1908. Вып. VII. С. 5—15.
- [15] *Борзов А. А.* География // Практическая школьная энциклопедия. М., 1912. С. 148—163.
- [16] *Борзов А. А.* География на летних учительских курсах // Вестн. воспитания. М., 1914. Т. XXV. С. 82—105.
- [17] *Борзов А. А.* Почвоведение и география // Русский почвовед. 1914. № 1. С. 7—11.
- [18] *Борзов А. А.* Новые программы географии в средней школе // Вестн. воспитания. 1915. № 5. С. 172—196.
- [19] *Дронин Н. М.* Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии. М.: ГЕОС, 1999.

- [20] Геттнер А. Очерк развития географических учений в XIX столетии // Естествознание и география. 1899. № 2. С. 42—49; № 3. С. 64—72.
- [21] Геттнер А. Единство географии как науки и учебного предмета // География как наука и учебный предмет. Пг., 1924. С. 7—31.
- [22] Геттнер А. Сущность и методы географии // Вопр. страноведения. М.; Л., 1925. С. 33—85.
- [23] Геттнер А. Страноведение Европы. Л., 1925.
- [24] Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. Л.; М., 1930.
- [25] Гладцин И. Н. Попытка математического понимания развития ландшафта // Вопр. страноведения. М.; Л., 1925. С. 86—96.
- [26] Гожев А. Д. К методологии физической географии // Изв. ВГО. 1934. Т. 66, вып. 4. С. 487—512.
- [27] Григорьев А. А. Постановка преподавания географии в Гейдельбергском университете // Землеведение. 1913. Кн. I—II. С. 211—220.
- [28] Григорьев А. А. Задачи и методы экономической географии // Вопр. страноведения. М.; Л., 1925. С. 18—32.
- [29] Григорьев А. А. География теоретическая и прикладная, их современное состояние и намечающиеся пути развития // Труды Географического отдела КЕПС. Л., 1930. Вып. 2. С. 1—48.
- [30] Григорьев А. А. Предмет и задачи физической географии // На методологическом фронте географии и экономической географии. М., 1932. С. 45—59.
- [31] Григорьев А. А. Развитие теоретических проблем советской физической географии. М.: Наука, 1965. С. 14—16.
- [32] Исаченко А. Г. Страницы из истории советской географии тридцатых, пятидесятих годов XX века // Изв. РГО. 2001. Т. 133, вып. 1. С. 23—33.
- [33] Крубер А. А. Физико-географические области Европейской России // Землеведение. 1907. Кн. III—IV. С. 163—220.
- [34] Крубер А. А. Общее землеведение. М., 1917. Вып. 1.
- [35] Крубер А. А. Вопросы географии в новой школе [Рецензия] // Землеведение. 1926. Т. 28, вып. I—II. С. 73—74.
- [36] Лесгафт Э. Ф. К развитию современной географической методологии // Естествознание в школе. Пг., 1918. № 1. С. 75—84.
- [37] Первухин М. А. О предмете и методе современной физической географии // За марксистско-ленинское естествознание. 1932. № 1. С. 83—126.
- [38] Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М.; Л.: Госиздат, 1928.
- [39] Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. М.: Новый хронограф, 2009. Т. 2.
- [40] Сухова Н. Г. Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л.: Наука, 1981.
- [41] Ткаченко А. А., Файбусович Э. Л. Альфред Геттнер и российская география // Вестн. Тверского ун-та. Сер. География и геология. 2008. №. 22. С. 3—23.
- [42] Шумков Х. О принципах географического исследования // Сибирская природа. Омск, 1922. № 2. С. 53—56.
- [43] Markus E. Naturkomplexe // Sitzungsberichte der Naturforscher Gesellschaft bei Universitet. Tartu, 1925. Bd XXXII. N 3/4. 1926. S. 79—94.

Поступило в редакцию
26 февраля 2018 г.

Chorological concept in Russian geography (the first third of the XX century)

© N. G. Suhova

Saint-Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute of History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences
E-mail: ngsukhova@mail.ru

The concept, proposed by German scientist A. Hettner (1859—1941) in 1905 strongly influenced the development of Russian geography in the first three decades of the XX century. Despite of a wide popularity of Hettner's ideas in Russia his concept of Chorology had been perceived by Russian geographers in very different ways. This was a result of complexity of theoretical basics of geography as well as internal controversies of the concept. Anyway until the end of 1920s the concept played as a major stimulus of theoretical discussions in Russian geography. The situation changed radically in the very beginning of 1930s when Hettner's concept became the main subject for ideological attacks. It interrupted creative discussions on theoretical issues in Russian geography.

Key words: concept of Chorology, Russian geographers, landscape study, methodology of geography, classification of scientific disciplines.

References

- [1] *Aleksandrova T. D.* Akademik Andrej Aleksandrovich Grigor'ev. Zhizn' i nauchnoe tvorчество (1883—1968). M.: Institut geografii RAN, 2011.
- [2] *Alkin I. N.* Uchenie Gettnera i marksistskaja jekonomicheskaja geografija // *Socialisticheskoe hozjajstvo*. L., 1930. Kn. 3. S. 95—106.
- [3] *Arzhanov S. P.* Metodika nachal'nogo kursa geografii. Pg., 1915.
- [4] *Arzhanov S. P.* Voprosy prepodavaniya geografii // *Prosveshhenie*. M.; L., 1923. N 3. S. 3—17.
- [5] *Arzhanov S. P.* Dopolnenija i primechanija // *Geografija kak nauka i uchebnyj predmet*. Pg., 1924. C. 156—167.
- [6] *Arzhanov S. P.* Geografija v shkole i v zhizni // *Voprosy geografii v novoj shkole*. L., 1926. C. 29—44.
- [7] *Berg L. S.* Predmet i zadachi geografii // *Izv. RGO*. 1915. T. 51, vyp. 9. S. 463—475.
- [8] *Berg L. S.* Geografija i ee polozhenie v rjadu drugih nauk // *Vopr. stranovedenija*. M.; L., 1925. S. 3—17.
- [9] *Berg L. S.* Landshaftno-geograficheskie zony SSSR. (Prilozhenie k Trudam po prikladnoj botanike, genetike i selekcii). L., 1930. Ch. 1. Vvedenie.
- [10] *Bernshtejn-Kogan S. V.* Oчерki jekonomicheskoy geografii. M., 1922.
- [11] *Bogdanovich K. I.* Ferdinand baron fon Rihtgofen // *Izv. RGO*. 1906. T. XLII, vyp. 1. S. 247—263.
- [12] *Bogdanchikov M.* Zadachi jekonomicheskoy geografii na sovremennom jetape // *Na metodologicheskom fronte geografii i jekonomicheskoy geografii*. L., 1932. S. 5—26.
- [13] *Borзов A. A.* Kartiny po geografii Rossii. M., 1908.
- [14] *Borзов A. A.* Sibir' // *Kriticheskoe obozrenie* M., 1908. Vyp. VII. S. 5—15.
- [15] *Borзов A. A.* Geografija // *Prakticheskaja shkol'naja jenciklopedija*. M., 1912. S. 148—163.
- [16] *Borзов A. A.* Geografija na letnih uchitel'skih kursah // *Vestn. vospitanija*. M., 1914. T. XXV. S. 82—105.
- [17] *Borзов A. A.* Pochvovedenie i geografija // *Russkij pochvoved*. 1914. N 1. S. 7—11.
- [18] *Borзов A. A.* Novye programmy geografii v srednej shkole // *Vestn. vospitanija*. 1915. N 5. S. 172—196.
- [19] *Dronin N. M.* Jevoljucija landshaftnoj koncepcii v russkoj i sovetskoj fizicheskoy geografii. M.: GEOS, 1999.

- [20] *Gettner A.* Oчерк razvitiya geograficheskikh ucheniy v XIX stoletii // *Estestvoznaniye i geografija*. 1899. N 2. S. 42—49; N 3. S. 64—72.
- [21] *Gettner A.* Edinstvo geografii kak nauki i uchebnogo predmeta // *Geografija kak nauka i uchebnyj predmet*. Pg., 1924. C. 7—31.
- [22] *Gettner A.* Sushhnost' i metody geografii // *Vopr. stranovedeniya*. M.; L., 1925. S. 33—85.
- [23] *Gettner A.* *Stranovedeniye Evropy*. L., 1925.
- [24] *Gettner A.* *Geografija, ee istoriya, sushhnost' i metody*. L.; M., 1930.
- [25] *Gladcin I. N.* Popytka matematicheskogo ponimaniya razvitiya landshafta // *Vopr. stranovedeniya*. M.; L., 1925. S. 86—96.
- [26] *Gozhev A. D.* K metodologii fizicheskoy geografii // *Izv. VGO*. 1934. T. 66, vyp. 4. S. 487—512.
- [27] *Grigor'ev A. A.* Postanovka prepodavaniya geografii v Gejdel'bergskom universitete // *Zemlevedeniye*. 1913. Kn. I—II. C. 211—220.
- [28] *Grigor'ev A. A.* Zadachi i metody jekonomicheskoy geografii // *Vopr. stranovedeniya*. M.; L., 1925. S. 18—32.
- [29] *Grigor'ev A. A.* Geografija teoreticheskaja i prikladnaja, ih sovremennoe sostojanie i namechajushiesja puti razvitiya // *Trudy Geograficheskogo otdela KEPS*. L., 1930. Vyp. 2. S. 1—48.
- [30] *Grigor'ev A. A.* Predmet i zadachi fizicheskoy geografii // Na metodologicheskom fronte geografii i jekonomicheskoy geografii. M., 1932. S. 45—59.
- [31] *Grigor'ev A. A.* Razvitie teoreticheskikh problem sovetskoj fizicheskoy geografii. M.: Nauka, 1965. S. 14—16.
- [32] *Isachenko A. G.* Stranicy iz istorii sovetskoj geografii tridsatyh, pyatidesyatyh godov XX veka // *Izv. RGO*. 2001. T. 133, vyp. 1. C. 23—33.
- [33] *Kruber A. A.* Fiziko-geograficheskie oblasti Evropejskoj Rossii // *Zemlevedeniye*. 1907. Kn. III—IV. S. 163—220.
- [34] *Kruber A. A.* *Obshee zemlevedeniye*. M., 1917. Vyp. 1.
- [35] *Kruber A. A.* Voprosy geografii v novoj shkole [Recenzija] // *Zemlevedeniye*. 1926. T. 28, vyp. I—II. S. 73—74.
- [36] *Lesgaft Je. F.* K razvitiyu sovremennoj geograficheskoy metodologii // *Estestvoznaniye v shkole*. Pg., 1918. N 1. S. 75—84.
- [37] *Pervuhin M. A.* O predmete i metode sovremennoj fizicheskoy geografii // *Za marksist-sko-leninskoe estestvoznaniye*. 1932. N 1. S. 83—126.
- [38] *Semenov-Tjan-Shanskij V. P.* *Rajon i strana*. M.; L.: Gosizdat, 1928.
- [39] *Semenov-Tjan-Shanskij V. P.* *To, chto proshlo*. M.: Novyj hronograf, 2009. T. 2.
- [40] *Suhova N. G.* Razvitie predstavlenij o prirodnom territorial'nom komplekse v russkoj geografii. L.: Nauka, 1981.
- [41] *Tkachenko A. A., Fajbusovich Je. L.* Al'fred Gettner i rossijskaja geografija // *Vestn. Tverskogo un-ta. Ser. Geografija i geologija*. 2008. N 22. S. 3—23.
- [42] *Shumkov H.* O principah geograficheskogo issledovaniya // *Sibirskaja priroda*. Omsk, 1922. N 2. S. 53—56.
- [43] *Markus E.* *Naturkomplexe* // *Sitzungsberichte der Naturforscher Gesellschaft bei Universitet. Tartu*, 1925. Bd XXXII. N 3/4. 1926. S. 79—94.